

«Всё. Мне крышка.

Это же Техническая школа магии!!!»

«Тут, под самым носом у этого невыносимого «Шестиглазого» с его Безграничностью и сильнейшего манипулятора проклятыми духами, я умудрился призвать самого Рёмэна Сукуну?!»

На миг Харе безумно захотелось расхохотаться. Но веселье испарилось, не успев родиться — времени на глупости у него попросту не оставалось.

Нужно было немедленно, сию же секунду заставить Сукуну исчезнуть. Если сюда ворвутся шаманы и увидят их в одной комнате... О последствиях не хотелось даже думать. Это верная смерть.

Сукуна мгновенно прочитал этот страх в его глазах. Лицо проклятого духа исказила издевательская усмешка.

— Ну что, малец? — Король проклятий вальяжно откинулся на край кровати, явно наслаждаясь зрелищем. — Упади на колени, взмолись о пощаде. Если хорошенько меня развлечешь, я, так и быть, исполню твое желание.

Подол его светлого кимоно разошелся, обнажая рельефные мускулы голени. Вокруг лодыжек вились темные полосы ритуальных татуировок, а между ними, тускло мерцая, крепилась тонкая красная цепь.

Харе, еще не успев стереть с лица злые слезы, побелел от ярости и процедил сквозь зубы:

— Мечтай больше, тварь. Рано или поздно я лично тебя прикончу.

Голос его сорвался на хриплый, почти жалобный шепот — горло еще саднило от недавних слез, лишая угрозу всякой силы. Влажные голубые глаза, похожие на чистейший лед, опустились ниже, зацепившись за узловатые щиколотки Сукуны.

Харе перевел взгляд с одной ноги проклятого духа на другую. Красная цепь выглядела чужеродно. Она явно не принадлежала Дзуликому, уходя одним концом прямо в зыбкую пустоту.

В голове мальчика словно вспыхнула искра. Он инстинктивно протянул руку и сжал пальцы на невидимом звене. Воздух дрогнул, и ладонь действительно ощутила холодный металл.

Глаза Харе округлились от изумления. Он резко потянул цепь на себя — та натянулась

струной, издав глухой, вибрирующий звон.

Второй конец цепи был намертво прикован к его собственной руке!

— Ха... ха-ха... Да ладно! Вот оно что! Ха-ха-ха! — Харе зашелся торжествующим, безумным смехом. Загадка его собственной техники манипуляции проклятыми духами наконец-то разрешилась.

Ему, в отличие от мамы Гето, не требовалось скатывать поверженных духов в омерзительные черные сферы и давиться ими. Будучи проклятием по своей природе, он мог поглощать их напрямую — через простое прикосновение. Именно так он когда-то случайно впитал в себя найденный палец Сукуны.

Каждый подчиненный им дух пропитывался его собственной проклятой энергией. Внутри тела они оставались невидимыми для чужих глаз, а при вызове их аура сливалась с его собственной, из-за чего со стороны казалось, будто у Харе просто произошел мощный выброс силы.

Это объясняло, почему никто не почувствовал присутствие Короля проклятий сразу после призыва. Но почему тогда взвыла сирена? Что-то пошло не так.

Впрочем, размышлять об этом некогда — нужно срочно загнать Сукуну обратно, пока его не раскрыли.

Харе сосредоточился на красных звеньях. Эта цепь была воплощением его ограничения, наложенного на проклятие. Чем слабее был дух, тем крепче Харе держал его на привязи. С существами ранга Сукуны совладать было почти невозможно — оковы едва сдерживали его первобытную мощь.

Он мог заставить Сукуну заткнуться на пару минут, но если бы приказал ему сдохнуть, Король проклятий просто стер бы его в порошок.

Вот и сейчас: Харе мог призвать его ради забавы, но не имел власти силой загнать обратно в бездну. Для этого требовалось либо добровольное согласие Двуликого, либо...

Смех Харе и его резкие движения разозлили Сукуну. Черные узоры на его лице исказились в гримасе гнева. Двуликий резко дернул скованную ногу назад. Потеряв равновесие, мальчик неловко взмахнул руками и повалился прямо к его ногам. Смех оборвался на полуслове.

Сукуна стальными тисками перехватил его челюсть, а второй рукой мертвой хваткой вцепился в горло. Острые когти вспороли нежную кожу на щеке, заставляя Харе запрокинуть голову.

Но даже в таком положении в глазах мальчишки горел безумный, торжествующий огонек. Он отказывался подчиняться.

Осознание того, что он может хоть как-то управлять этим чудовищем, вытеснило весь прежний страх. Если бы не сдавливающие шею пальцы, он бы рассмеялся Сукуне в лицо.

«Ты. Моя. Псина».

Кровавые глаза Сукуны опасно сузились. Король проклятий не любил тратить время на пустую болтовню. Его большой палец с силой вдавился между губ Харе, бесцеремонно разжимая челюсти до мучительного, сухого хруста в суставах.

— Слишком много лаешь, щенок. Может, вырвать тебе язык? — прорычал он.

Из-под его ребер тут же выросла третья рука. Грубые когтистые пальцы бесцеремонно залезли в рот Харе, вытягивая наружу влажный, скользкий язык, готовый изрыгнуть новые проклятия. Четвертая рука Сукуны легко перехватила занесенный для удара кулак мальчика.

Анатомическое преимущество Двуликого раскрылось во всей красе. И именно в этот момент в дверь постучали.

— Харе, ты там?

Голос Гето Сугуру заставил мальчика оцепенеть. Радость от разгадки собственной силы мгновенно сменилась ледяным ужасом.

С момента включения тревоги прошли считанные секунды, но для Харе время растянулось в вечность. И теперь эта вечность стремительно схлопывалась, не оставляя шанса на ошибку.

Не думая о последствиях, Харе рванулся вперед. Он перехватил запястье Сукуны, сбрасывая его ладонь со своего лица, и, игнорируя дикую боль в челюсти, резко подался вперед, оседлав бедра Короля проклятий.

Тысячелетний монстр на секунду опешил. Он даже не успел разозлиться на подобную дерзость, как произошло нечто совсем невообразимое.

Харе рванул ворот своей рубашки, обнажая бледную грудь, и изо всех сил прижался к Сукуне, смыкая руки за его спиной.

Сукуна замер.

Это объятие было отчаянным и невероятно тесным. Юношеское тело, горячее и мягкое, податливо прильнуло к его могучей груди. От мальчишки пахло чем-то сладким — приторным ароматом ягод, какими обычно украшают праздничные торты.

Сукуна принялся. В нем проснулся зверский, первобытный голод. Бешеное, испуганное сердцебиение Харе отдавалось прямо в его ушах, раздражая своей суетой.

Второй рот на животе Двуликого широко распахнулся. Наклонившись, проклятый дух с силой вонзил зубы в тонкую талию мальчика. Кровь брызнула сквозь клыки, мгновенно пропитывая светлую ткань кимоно багровыми пятнами.

— Гхм! — Харе судорожно вздохнул, содрогнувшись всем телом, но рук на шее монстра так и не разжал.

В следующую долю секунды Король проклятий растворился в воздухе. Лишившись опоры, Харе тяжело рухнул на дощатый пол. В то же мгновение потолок, стены и дверь его комнаты разлетелись в щепки от мощного удара.

Сквозь поднявшуюся пыль Харе увидел, как в пролом ворвались люди.

Первыми на руины выскочили его соседи — Дэндзи и Аки. Дэндзи уже занес палец над стартером на груди, диковато озираясь по сторонам. Аки замер с зажатой в зубах сигаретой, держа руку на рукояти нераскрытой катаны. Позади них, испуганно вцепившись в плечо Хаякавы, пряталась Пауэр со своей кровавой косой наперевес.

Из дверного проема показался Гето Сугуру. В его ладони клубился зловеющий черный вихрь проклятой энергии. Увидев лежащего на полу окровавленного Харе, он замер, и на его лице отразилось искреннее замешательство.

За спиной Гето в темном коридоре толпились другие шаманы, чьих лиц мальчик раньше никогда не видел. Все они были предельно сосредоточены и напряжены.

И только на краю зияющей дыры в потолке второго этажа, оставленной его собственной техникой, сидел на корточках Годжо Сатору. Откинув голову назад, он с любопытством кошки разглядывал Харе из-за черных очков.

Харе с трудом сглотнул, чувствуя, как саднит разодранное горло и ноет челюсть. Кое-как выдавив из себя подобие улыбки, он прохрипел:

— Добрый... вечер?

— Вообще-то, не очень, Харе-кун, — весело отозвался Годжо, лениво покрутив пальцем в воздухе. — Тут у нас стряслась одна неприятность. Директор Яга уже оцепил всю территорию Технической школы магии. Так что тебе придется пройти с нами.